

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-24-49>
<https://elibrary.ru/TBNTP1>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2023. О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций
г. Санкт-Петербург, Россия

**Первый образец «толстого журнала» в России:
к 220-летию со времени издания «Вестника Европы»
Н. М. Карамзина**

Аннотация: В статье дается анализ содержания журнала «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. Два раздела — «Политика» и «Литература и Смесь» содержали разнообразный материал, который Карамзин черпал из иностранной периодики разных стран. Переводы, которыми он занимался на протяжении 20 лет, и хорошее знание журналов и газет Европы помогли ему создать образец общественно-политического и литературного периодического издания. Исследуется содержание политических статей, посвященных событиям европейской жизни в период сложной общественно-политической ситуации начала XIX в. Обращаясь к разным первоисточникам и серьезным зарубежным аналитикам, Карамзин намеренно задавал в журнале полемический дискурс, в котором сам принимал участие в качестве комментатора. Прослеживается эволюция отношения Карамзина к Наполеону, отмечается, что восхищение деяниями полководца и государственного деятеля сменяется разочарованием и скепсисом после провозглашения его «вечного консульства». На протяжении 1803 г. в «Вестнике Европы» появляется много материалов об успехах просвещения и благотворительности в России. Утверждается, что Карамзину удалось заложить основы для будущих «толстых» российских журналов XIX в.

Ключевые слова: «Вестник Европы», Н. М. Карамзин, журнал, периодика, политика, зарубежные аналитики, общественная жизнь, просвещение.

Информация об авторе: Ольга Бодовна Кафанова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций, ул. Гаванская, д. 3 а, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.02.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.04.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Кафанова О. Б. Первый образец «толстого журнала» в России: к 220-летию со времени издания «Вестника Европы» Н. М. Карамзина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 24–49. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-24-49>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 24–49. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 24–49. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Olga B. Kafanova

St. Petersburg Institute of Business and Innovation
St. Petersburg, Russia

The First “Thick” Journal in Russia: To the 220th Anniversary of Nikolay Karamzin’s “Vestnik Evropy”

Abstract: The article analyzes the content of Nikolay Karamzin’s “Vestnik Evropy.” Two sections — “Politics” and “Literature and Miscellanea” — contained a variety of material that Karamzin drew from foreign periodicals from different countries. Translations, which he did for 20 years, and a good knowledge of journals and newspapers in Europe, helped him create an example of a socio-political and literary periodical. The article examines the content of political articles devoted to the events of European life during the difficult socio-political situation of the early 19th century. Turning to various primary sources and serious foreign analysts, Karamzin deliberately set a polemical discourse in the journal, in which he himself took part as a commentator. The article traces evolution of Karamzin’s attitude towards Napoleon and notes that admiration for the deeds of the commander and statesman is replaced by disappointment and skepticism after the proclamation of his “eternal consulate.” Throughout 1803, the “Vestnik Evropy” published many materials on the successes of education and charity in Russia. The author of the article notes that Karamzin managed to lay the foundations for future “thick” Russian journals of the 19th century.

Keywords: “Vestnik Evropy,” N. M. Karamzin, journal, periodicals, controversy, foreign analysts, politics, public life, education.

Information about the author: Olga B. Kafanova, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg Institute of Business and Innovation, Gavanskaya 3 a, 199106 St. Petersburg, Russia

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Received: February 24, 2023

Approved after reviewing: April 11, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Kafanova, O. B. “The First ‘Thick’ Journal in Russia: To the 220th Anniversary of Nikolay Karamzin’s ‘Vestnik Evropy.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 24–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-24-49>

В этом году исполняется 220 лет журналу «Вестник Европы» (1802-1803) Н. М. Карамзина, который был задуман как издание литературно-политического содержания. При этом обращение к политике было спровоцировано новой общественно-политической ситуацией, возникшей в Европе и России в начале XIX в. Название журнала, впервые введенное Карамзиным в русскую культуру, многозначно и многослойно. Оно указывает на идею органичной связи России с Европой. С другой стороны, очевидна цель автора — информировать российских читателей обо всех сложных событиях европейской жизни.

Ю. М. Лотман считал, что Н. М. Карамзин не любил политики: «Для философов XVIII века слово “политика” звучало как нечто тайное, основанное на коварстве и порожденное злоупотреблениями абсолютизма» [Лотман 1987: 280]. Карамзин, по-видимому, действительно разделял мнение Вольтера, сравнивающего в своей «Генриаде» «Политику» с «Чудовищем». Подтверждением этому является его замечание при описании могилы Ришелье в «Письмах русского путешественника»: «Я представил бы Кардинала не с Христианскою, святою Религиєю, а с чудовищем, которое называется *Политикою*, и которое описывает Вольтер в Генриаде» [Карамзин 1984: 282].

Что же в особенности способствовало интересу Карамзина к политике, которую он, по сути, выдвинул на первое место в журнале?

Приступая к выпуску «Вестника Европы» в 1802 г., Карамзин уже преодолел свою веру в «просвещенного монарха» и увлечение республиканскими идеалами, переродившимися в кровавый террор, элементы которого он наблюдал во время путешествия во Францию и в период своего пребывания в Страсбурге. Он пережил время тяжелой депрессии, однако к началу 1800-х гг. его настроение изменилось. Обратиться к политике его побуждал ряд важных событий. В России в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. произошло убийство Павла I, вслед за которым на

престол вступил Александр I, что вызвало оптимистические надежды на новые реформы в стране.

С другой стороны, в Европе, в частности во Франции, появились новые политические деятели, казалось бы, предлагавшие какие-то до тех пор не известные, лучшие формы правления. И в центре политических событий мира встал Наполеон, завоевания которого не только «перекроили» Европу, но и приблизили к европейцам Африку, французскую колонию на острове Гаити и другие страны. Необходимо вкратце осветить политику Франции в этот период, чтобы понять многие публикации «Вестника Европы» и отношение к ним Карамзина.

Получив власть в 1799 г., Наполеон застал Францию в изоляции, хотя противостоявшая ей коалиция европейских стран не была прочной. Между союзниками возникли раздоры, повлекшие за собой выход России из коалиции; Павел I начал даже сближение с Францией после того, как в ней «безначалие заменилось консульством», а Наполеон отпустил на родину русских пленных без всякого выкупа. Взяв в свои руки правление, Бонапарт обратился с публичным письмом к английскому королю и австрийскому императору, призывая их прекратить борьбу и остановить кровопролитие. Однако они потребовали взамен возвращения Франции в ее прежние границы и восстановления монархии Бурбонов. Отказ Австрии от мирного решения конфликта вынудил Наполеона предпринять наступление.

Весной 1800 г. французская армия во главе с Первым консулом вторглась в Италию. Победа при Маренго (14 июня) заставила Австрию заключить перемирие и вновь отдать Ломбардию в распоряжение Франции. Другая французская армия под предводительством Моро вторглась в Швабию и Баварию, и после победы при Гогенлиндене (3 декабря) Австрия вынуждена была заключить люневильский мир. 9 февраля 1801 г. Ломбардия превратилась в Итальянскую республику, президентом которой был избран Первый консул. Франция быстро оправилась от последствий революционного террора и восстановила все атрибуты мирной жизни, что немало удивляло иностранцев.

Карамзин — издатель, редактор и автор «Вестника Европы» в одном лице, поставил перед собой, казалось бы, неосуществимую задачу — информировать российскую публику обо всех важнейших событиях современности, обращаясь к первоисточникам и серьезным политическим комментаторам. Помогали ему в этом переводы, которые ком-

пенсировали отсутствие постоянных сотрудников. Карамзин прибегал к тому способу, который он использовал ранее для конструирования «Московского журнала» (1791-1792).

Карамзин занимался переводами с ранней юности до начала работы над «Историей Государства Российского. Прижизненные издания его переводов составляют 9 томов, которые вошли в «Собрание переводов» (1835). Однако в него включена едва ли третья часть всего им переведенного. В процессе исследования переводческой деятельности Карамзина нам удалось установить более 500 наименований [Кафанова 1989: 319-327; 1991: 249-283]. Это не означает полного отсутствия оригинальных и российских сочинений в журнале, они там не только присутствовали, но и задавали, возможно, главную доминанту. Но переводы придавали публикациям широту, жанровое разнообразие и создавали многоголосье взглядов и мнений. Именно благодаря переводам Карамзину и удалось создать лучшие на то время периодические издания в России. Своими переводами, как и оригинальными сочинениями, он, по выражению Белинского, «распространял в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту к чтению» [Белинский 7: 122].

Переводной характер любого произведения, опубликованного Карамзиным, был им четко идентифицирован. В этом состояло принципиальное отличие его деятельности от практики, принятой в XVIII в. Используемые им обозначения можно представить в виде достаточно продуманной системы. Самые выдающиеся авторы и произведения указывались полностью (иногда и на языке оригинала) и, как правило, сопровождалась предисловиями, пояснениями или примечаниями, в которых давалась краткая характеристика работ и раскрывалась их значимость.

Большой пласт переводов касался публикаций из периодических изданий. Среди них были материалы исторического, философского, психологического характера; в «Вестнике Европы» добавляются многочисленные статьи политического содержания из иностранных газет и журналов. В этом случае Карамзин, как правило, указывал не только автора, произведение, но и источник, из которого был выбран тот или иной материал для перевода. Благодаря такой информации мы можем установить с большой степенью достоверности широкий круг европейских журналов и газет, к которым Карамзин обращался. Следует особо подчеркнуть, что это были журналы разных стран и направлений.

Наконец, менее значимые в художественном плане переводы (в том числе многочисленные статьи и заметки занимательного и информативного характера), которые, по-видимому, и в иностранных изданиях публиковались анонимно, сопровождалась указанием языка, с которого они переведены. Таким образом, перепутать оригинальное и переводное произведение в практике Карамзина невозможно; он демонстрирует не только высокую для своего времени филологическую культуру, но и открывает новый этап в истории перевода в России. Оригинал для Карамзина — некая суверенная данность, в отличие от принятой в классицизме возможности «бытия произведения, не проецированного ни на какую индивидуальность» [Гуковский: 132–133]. Известно, что в классической эстетике переводчик ставился в один ряд с автором [Левин: 6–7], что было совершенно неприемлемым для Карамзина. Он постоянно подвергал критике переводчиков, которые неверно называли источники или вообще умалчивали о переводном характере произведения [Кафанова 1982: 142–155].

Вместе с тем феномен Карамзина в том и заключается, что каждый вид деятельности, которым он занимался, был самоценным и уникальным. Он был лучшим журналистом и критиком своего времени, он основал первый в России литературно-политический журнал («Вестник Европы») и заложил основы российской журналистики XIX в., он стоял у истоков новейшей русской литературы и являлся реформатором русского языка. И во всех этих начинаниях переводы играли очень важную роль.

Прежде всего, они помогали обходиться без постоянных сотрудников. Публикация отдельных сочинений того или иного русского писателя или поэта не может считаться постоянным сотрудничеством. Весь материал подбирал и распределял по разделам сам Карамзин, опираясь на богатый арсенал переводов. С другой стороны, переводы способствовали созданию постоянных рубрик, являясь материалом для них. Так, в «Московском журнале» были рубрики: «Словесность» (Русская и Иностранная), «Критика», «Театр» (или Театральная критика), «Библиография», «Смесь». «Вестник Европы» имел две большие рубрики «Политика» и «Литература и смесь», но внутри второй вполне отчетливо выявлялся критический раздел, в котором в основном рассматривались иностранные сочинения: это были известия о литературных новинках, «старых» и «новых» авторах.

Вместе с тем в разных изданиях Карамзина переводы использовались с разными целями. В «Московском журнале» все они «били в одну точку», способствуя утверждению сентиментализма. Обоснованию этого направления были посвящены художественные сочинения, критические и философские статьи. В «Вестнике Европы» оригинальные и переводные сочинения, наоборот, создавали полемический дискурс. Переводческие принципы Карамзина не позволяли ему подменять «чужое» «своим». Он специально прибегал к источникам из французской, английской и немецкой периодики, которые давали ему возможность представить разногласию мнений, политических речей и обзоров. А свою собственную позицию он заявлял в примечаниях, комментариях, пояснениях и обобщающих статьях.

Здесь необходимо отметить ошибочные утверждения английского исследователя Энтони Кросса, который вслед за Ю. М. Лотманом [Лотман 1957: 150-155], утверждал: «Карамзин часто перепечатывал или вольно переводил иностранные оригиналы, так чтобы сторонний авторитет по видимости поддерживал мнения, которые сам он выразил в другом месте или считал невозможным высказать открыто» [Кросс: 181]. Подобная «техника», как уже отмечалось, совершенно недопустима для Карамзина, который никогда не позволял подменять перевод своим текстом. Когда речь шла об отдельных политических материалах, иногда безымянных, его переводческая стратегия состояла в их контаминации, сокращении, адаптации, однако суть передавалась точно, несмотря на несогласие с ней переводчика. При этом источник всегда указывался, даже если речь шла о фрагментах выступлений или новостей [Кафанова 2016: 50-51].

В объявлении 16 ноября 1801 г. в «Московских ведомостях», извещающем о выходе «Вестника Европы», сразу подчеркивалось обилие в нем переводных материалов как гарантия достоверности сообщаемых фактов. В объявлении говорилось, что новое издание «будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главные части его. <...> Политические известия будут сообщаемы в некотором систематическом порядке и как можно скорее»¹. Свою задачу Карамзин видел в диалектическом поиске истины по многим вопросам политической

¹ Московские Ведомости. 1801. № 92 (16 ноября).

и общественной жизни через изложение подчас противоположных мнений. В «Письме к издателю», помещенном в первом номере, была сформулирована главная установка — ориентация на иностранные журналы, в которых «все лучшие Авторские умы *на сцене*». Поэтому следует «выбирать *приятнейшее* из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную»¹.

Всего в «Вестнике Европы» нам удалось установить около 350 переводных текстов. А иностранных периодических изданий в действительности оказалось даже больше заявленных двенадцати:

— немецкие: «Minerva», «Freimühige», «Zeitung für die elegante Welt», «Politisches Journal», «London und Paris»;

— английские: «The Philosophical magazine», «Morning Chronicle», «Argus», «Times»;

— французские / франкоязычные периодические издания (количественно они преобладали): «Décade», «Spectateur du Nord», «Magasin encyclopédique», «Bibliothèque britannique», «Nouvelle Bibliothèque des romans», «Journal des dames et des modes». Новостью было и обращение Карамзина к газетам, в первую очередь — правительственному органу «Moniteur universel», первой французской ежедневной газете «Journal de Paris», а также «Gazette de France».

При этом, мало заботясь о новизне публикуемых беллетристических материалов, Карамзин очень дорожил актуальностью и злободневностью политических известий, которые появлялись в его журнале, как правило, через две-три недели после выхода за рубежом. Количественно в «Вестнике» преобладали политические статьи из французской правительственной газеты. Именно отсюда Карамзин приводил речи первого консула, общественных деятелей, депутатов и министров в своем точном переводе. Однако ради объективности он не мог ограничиться изложением событий только с одной точки зрения. «Сухость и незанимательность Парижских известий, — писал он, заставляет нас прибегать к Лондонским журналам, которые можно сравнить с людьми, желающими всегда рассказывать любопытное и для того нередко мешающими ложь с правдою. Химическое действие рассудка легко отделяет одну от другой»².

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 6.

² Вестник Европы. 1802. Ч. VI. Декабрь № 24. С. 339.

Таким образом, Карамзин прибегал к методу изображения политических событий *pro* и *contra*. Он излагал последние известия глазами французских журналистов, затем в качестве оппозиции использовал иронию английских комментаторов, и сам предварял отдельные переводные сообщения специальными комментариями, поясняющими, в какой мере можно им доверять. Например, статью из «Argus'a» — английского журнала, выходявшего в Париже, он сопроводил подробными сведениями о его издателе. Это, по мнению Карамзина, «один из самых ревностных защитников консульского правления и враг английского министерства. Он пишет умно, с новостью, но пристрастен до крайности и даже иногда до бесстыдства. Его можно сравнить с издателем Лондонских ведомостей, «*Courrier de Londres*»: один бранит английское правление, а другой консульское, не заботясь об истине»¹. Вместе с тем каждый номер журнала он заключал подведением итогов в статье под названием: «Известия и замечания».

Наконец, едва ли не главным арбитром в вопросе о «политическом равновесии в Европе» стал немецкий писатель и историк Иоганн Вильгельм фон Архенгольц (Archenholz, 1743–1812), издатель и автор журнала «*Minerva, ein Journal politischen und historischen Inhalts*» («Минерва, журнал политического и исторического содержания»). Человек очень интересной биографии и многообразных талантов, Архенгольц умел писать живо, увлекательно и в то же время очень основательно, что сделало его журнал одним из самых лучших периодических изданий Европы того времени.

Политические события настолько подчинили себе все остальные интересы Карамзина, что переводная часть раздела «Литература и смесь» поначалу проигрывала, хотя и в нем были интересные материалы. С другой стороны, четкая грань между двумя разделами размывалась, потому что многие публикации о политике и политических деятелях размещались также и в первом из них. Карамзина настолько занимали вопросы политики, что в первых номерах преобладали материалы, имеющие лишь отдаленное отношение к литературе.

¹ Вестник Европы. 1803. Ч. IX. Май № 9. С. 56.

Примером может служить статья из «Минервы» «История Французской Революции, избранная из Латинских Авторов»¹, которая была далеко не беллетристической. В переводном предисловии излагалось размышление о трудности формирования исторической концепции: «Французская Революция ждет еще своего Историка, и долго будет ждать его; ибо собрание анекдотов и речей не есть История. Не трудно выбирать из множества материалов и описывать то, что собственные глаза наши видели; но какой ум может достойным образом предать потомству изображение славы и стыда нашего, счастливых успехов и бедствий? Писатель, могущий предпринять такое великое дело, должен еще родиться. Пока Небо не дарует нам сего Гения, мы можем, по крайней мере, находить главные черты нашей истории в славнейших классиках древности»².

Все трагические события французской революции трактовались через апелляцию к Титу Ливию, Саллюстию, Тациту, Светонию и другим римским авторам. Утверждалась мысль, что в истории все повторяется, и события французской революции имели свои аналогии в древнеримской истории: казнь монарха, «Вандейская война», «Правление Робеспьерова», «Девятое термидора. Казнь Робеспьерова». Эта интереснейшая статья переведена полно, Карамзин только опустил некоторые события французской революции, например, правление Директории, и сразу после казни Робеспьера переключился на 18 брюмера Бонапарте. Он объяснял, что означает та или иная дата во французской истории: «Дни, известные во французской революции. 10 авг. Народ взял приступом Тюльери. 18 брюмера Бонапарте присвоил себе всю власть»³. Таким образом, эта статья из раздела «Литература и смесь» фактически относилась к историко-политическому дискурсу и намечала едва ли не самую главную фигуру карамзинского журнала — Наполеона Бонапарте.

Следующий небольшой рассказ «Парики» французского автора Пюжу (Pujoux), вновь касался недавних трагических событий во Франции [Minerva 2: 363–269]. Происхождение моды на парики

¹ Minerva, 1801. Bd 2, April. S. 122–136; Juni, S. 527–538. (Versuch über die Geschichte der französischen Revolution. Von einer Societät lateinischer klassischer Schriftsteller).

² Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 20.

³ Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 23.

в Париже объяснялось следующим образом: «Любовница, мать, сестра, дочь, у которых Робеспьерова *гильотина* похитила любовника, сына, брата, отца, в надежде сохранить хотя некоторые печальные остатки любезных, покупали волосы их у палача и украшались ими; но сии несчастные жертвы уже забыты, а парики остались!» [Вестник Европы 1: 38–39]

Пожалуй, самая любопытная публикация в первом номере журнала в разделе «Литература» — «Анекдоты о Бонапарте, еще неизвестные» (на переводной характер статьи указывало примечание «из французского журнала»). В ней сообщались разные факты, свидетельствующие о таланте и гениальности Бонапарте. Приводились разные тому доказательства:

«Удача одного предприятия зависит без сомнения от случая, но беспрестанные и многие удачи предполагают великий разум. <...>. Бонапарте в начале своего Консульства часто повторял, что Первый Консул должен быть ничто иное, как первый и всегдашний ходатай государства по внешним и внутренним делам» [Вестник Европы 1: 60–63]. Таким образом, интерес и симпатия к Бонапарте были заявлены в журнале сразу. Разные положительные мнения о первом консуле были размещены в разделе «Литература и смесь», как бы нарушая всякую логику. А последний «литературный» материал номера уже напрямую относился к политике. Статья «Нечто о нынешнем Париже», взятая из «Модного Магазина», рассказывала о воцарении в столице Франции мирной жизни: «Париж, в котором еще недавно было столько шума, волнения, мятежа и всякого рода ужасов, ныне так спокоен и тих, что иностранец, видя его, с трудом верит или глазам, или памяти своей. Французы подлинно чудные люди: один год есть для них век — так скоро они переменяются!» [Вестник Европы 1: 63].

Обобщая все материалы, опубликованные в «Вестнике» за два года (1802–1803), можно с полным правом утверждать, что вопросы положения дел во Франции, влияния этой страны на мир находились в центре внимания Карамзина. Давая в первом номере «Всеобщее обозрение», написанное им самим, Карамзин констатировал установление мира после десятилетия кровопролитий, изменение карты не только Европы, но и Африки благодаря походам французской армии, и делал при этом предостережение: «Многие Политики боятся решительного влияния Франции на участь Европы» [Вестник Европы 1: 79].

Наполеон Бонапарт стал сразу главной фигурой журнала, возможно, даже более интересной, чем все писатели, философы, композиторы и ученые современности. Самые разнообразны материалы о нем содержались как в литературном, так и в политическом разделе каждого номера издания. Именно через репрезентацию образа Наполеона можно проследить политические симпатии и идеалы Карамзина. При этом вряд ли можно согласиться с Э. Кроссом, мнение которого совпадает и с точкой зрения Ю. М. Лотмана: «Каждая статья “Вестника” содержала отсылки к Наполеону, в продолжение всей двухлетней издательской деятельности Карамзина более тридцати статей прямо касались Наполеона или его действий» [Кросс: 181]. Действительно, количество отсылок к фигуре первого консула было очень много. Обилие сочувственных и даже восторженных публикаций о Наполеоне дало основание Ю. М. Лотману назвать «Вестник Европы» «откровенно бонапартистским» органом [Лотман 1987: 282].

Однако это далеко не так: отношение Карамзина стремительно менялось: от подлинного восхищения Наполеоном до скепсиса по отношению к нему и его действиям [Кафанова 2014: 159–175]. Эта эволюция чрезвычайно интересна, поскольку она, по-видимому, повлияла на изменение структуры журнала: появление в нем большего количества материалов о России и примеров идеальных россиян. Нельзя не заметить при этом, что уже сразу в некоторых материалах «Вестника» идеальность образа Наполеона подвергалась сомнению. Еще в начале 1802 г. появляются, пока еще в незначительном количестве, переводные заметки, в которых непогрешимость этого великого человека подвергалась сомнению. В «Письме из Парижа» сообщалось, что «Консул вводит придворную пышность», по поводу которой «насмешники говорят, что эта слабость весьма свойственна и новым богачам, и новым дворянам, и новым Царям!»¹.

Тем не менее, во многих публикациях выражено явное восхищение гениальными способностями Наполеона. Например, Карамзин с большим сочувствием пересказывает взятое из *Moniteur*'а описание заседаний в Совете Франции, делая свои замечания: «*любопытно* видеть, как

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 29. В связи с тем, что в первом томе «Вестника Европы» каждая часть (а их всего четыре: Январь № 1, Январь № 2, Февраль № 1, Февраль № 2) имеет свою нумерацию, необходимо это отразить в примечаниях. Начиная со второго тома нумерация сквозная.

Бонапарте входит во все подробности законов, какие основательные замечания предлагает сочинителям их»¹. Подробно излагаются меры, вводимые консулом для борьбы с бедностью во Франции. В статье «Способ истребить нищету в государстве, предложенный французским консулом», говорится: «Мудрое правление должно истребить бродяг и нищих, чтобы <...> возбуждать трудолюбие — единственный источник *творения*»².

В деяниях Наполеона просматривается, с точки зрения Карамзина, если и не возвышение над личным благом во имя общественного, то, по крайней мере, совмещение двух целей. Это тот идеал, который Стендаль, переживший сложную эволюцию от восхищения Наполеоном до критического к нему отношения, не исключаяющего его глубокой любви, считал возможным в эпоху революций — счастье для себя и для других.

Однако окружение первого консула явно «не дотягивало» до альтруизма. Интересно, что, как бы прозорливо предвидя будущее предательство ближайших министров Наполеона, Карамзин публикует разоблачительные материалы о Фуше и Талейране. В статье «Известия и замечания», в которой Карамзин представлял контаминацию сообщений из периодических изданий и собственных комментариев к ним, он замечает: «Великим людям надобно быть весьма осторожными, чтобы *малые* люди не обманывали их. Какой-нибудь Фуше не думает жить для Истории и добродетели: он может иметь низкие и подлые страсти; Консулу не надлежало бы иметь доверенности к таким министрам»³.

В «Письме из Парижа», принадлежащем немецкому журналисту Крамеру, воплощающему взгляд со стороны, концентрировались главные «за» и «против» Наполеона. Отмечалось, что «многие во Франции “хотят непременно сделать его королем”, и поэтому распускают о нем разные слухи: “То говорят, что он набирает пажей и камергеров; то уверяют, что он намерен торжественно короноваться!”». Однако эти сплетни тут же получали опровержение: «Бонапарте любит быть единственным; сажает королей на трон и довольствуется скромным именем французского гражданина»⁴. Заканчивается эта обстоятельная статья

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 29.

² Вестник Европы. 1802. Ч. I. Февраль № 4. С. 83–84.

³ Вестник Европы. Ч. II. Март № 5. С. 83.

⁴ Вестник Европы. 1802. Ч. III. Май № 9. С. 69.

на высокой ноте хвалы бесспорным деяниям Наполеона: «Бонапарте дал французам имя *великой нации*, которым они теперь более всего гордятся». Вместе с тем отмечается то, что более всего ценили демократически настроенные умы — выдвигание и продвижение по службе людей талантливых, независимо от их происхождения: «Бонапарте <...> не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их, и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу, иногда республиканца роялисту»¹.

Впоследствии Бальзак вслед за Стендалем будет считать это выдвигание людей не по знатности и богатству, а по личным заслугам, одним из высших проявлений мудрости Наполеона. На память приходит и аналогичная позиция русского царя Петра I, которого сам Карамзин тоже вспоминал по ходу изложения некоторых европейских явлений.

Одно значительное событие следовало во Франции за другим: Наполеон начал удивлять мир не только как полководец, но и как государственный деятель. С марта по апрель 1802 г. количество публикаций об этих делах достигает наивысшей концентрации. «Торжественному восстановлению католической религии во Франции» посвящено в «Вестнике Европы» несколько статей в майских выпусках. Карамзин при этом неизменно выступает с комментариями. В одном случае он замечает: «Таким образом, Бонапарте представляет нам великие явления одно за другим. Торжественное восстановление религии есть без сомнения одно из важнейших дел его»². В журнале помещена и специальная статья «Первое торжественное молебствие французского народа в присутствии консулов и всех властей», взятая из «Gazette de France».

Не успела Европа порадоваться восстановлению во Франции религии, как начались реформы в образовании. В одном из майских номеров Карамзин напечатал статью «Новый план народного учения во Франции, предложенный консулами Законодательному собранию», которую в заключение прокомментировал сам: «Таким образом, Франция подает, наконец, пример державам, вводя народное учение в систему государственного законодательства, и Бонапарте, утверждая одною рукою святую религию, необходимую для сердца, другою открывает

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. III. Май № 9. С. 76.

² Вестник Европы. 1802. Ч. III. Май № 9. С. 93.

уму человеческому необозримый путь знаний, который ведет и человека и народ к возможному на земле благоденствию»¹.

Наконец, в июньском номере «Вестника» за 1802 г. появляется довольно сухое сообщение о том, что Трибунат предложил французскому народу голосование по вопросу: «Наполеон Бонапарте должен ли быть консулом *на всю жизнь*? После этого настроение Карамзина резко меняется. Поначалу он дает свой сдержанный комментарий: «Но Бонапарте имеет право быть властолюбивым, а мы не имеем права укорять его властолюбием. Не народ французский, а Провидение поставило сего удивительного человека на степень такого величия»². Затем на протяжении шести номеров Карамзин не дает никаких существенных материалов о Наполеоне, переключив свое внимание на Англию, деятельность английского парламента и восточные страны.

Создается ощущение преднамеренной паузы, которую Карамзин выдерживает в ожидании итогов голосования. Выстраивается своеобразная драматургия репрезентации образа Наполеона в «Вестнике Европы». Экспозиция — рассмотрение Наполеона с различных ракурсов, общий пафос которых — восхищение феноменальными способностями этого человека. Далее чувствуется все нарастающее напряжение, динамизм новостей, стремительно следующих одна за другой, и вот, наконец, обозначается конфликт — объявление о претензиях Наполеона на «вечное» консульство. Значит, надежды на «новые явления» в политике не оправдались. Собственная интонация комментариев Карамзина о Наполеоне приобретает примесь горечи. Чаяния будущего историографа России обрести во французском герое некий идеал не оправдались, и переломным моментом стало провозглашение его «вечного консульства», то есть пожизненного закрепления власти.

В сентябрьском номере Карамзин поместил очень важную статью о церемонии провозглашения Наполеона консулом навечно, которую он предварил своим вступлением и завершил подведением итогов. Он с иронией и даже сарказмом пишет: «Бонапарте, объявленный консулом на всю жизнь, так *искажил* конституцию, что она сделалась иною». Далее он полно переводит описание всей помпезной церемонии и заключает уже сам: «Бонапарте без околичностей называет себя орудием

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. III. Май № 9. С. 168.

² Вестник Европы. 1802. Ч. III. Июнь № 11. С. 270.

Неба, избранным от Всевышнего, и проч. Пусть это правда; но столь явно требовать себе алтарей и храмов кажется нам нескромностию. Так говорили Магометы, Зороастры, а не герои Плутарховы. <...> Английские журналисты без сомнения воспользуются такими *восточными*, пышными фразами, и посмеются над ними»¹. В заключение Карамзин делает трезвый вывод, в котором проглядывает философский взгляд историка: «Мы не осуждаем Бонапарте за то, что он не хочет следовать примеру добродетельных мужей древнего Рима, которые, быв несколько времени диктаторами для спасения отечества и совершив подвиг свой, охотно возвращались в сельскую хижину. Франция по своему величию и характеру должна быть монархией, и Бонапарте умеет властвовать; если он утвердит навсегда личную безопасность, собственность и свободу жизни в своем государстве, то история благословит его властолюбие»².

И вот с конца сентября 1802 г. в «Вестнике Европы» появляется масса сообщений, подрывающих авторитет Наполеона. Карамзин активно использует против апофеоза французских публикаций английские, отличающиеся резким высмеиванием всего того, что происходит в еще недавно революционной Франции: восстановление монархии, а затем провозглашение империи.

Следует заметить, что восхищение Карамзина Наполеоном в начале 1800-х гг. разделяли многие будущие герои 1812 г. — С. Н. Глинка, А. А. Тучков и другие. Глинка, русский патриот, впоследствии вспоминал: «С отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой, его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом» [Глинка: 194].

Однако, в отличие от участников Бородинского сражения, Карамзин гораздо раньше и заметно более трезво начинает оценивать Наполеона уже с середины 1802 г. Он намеренно создает в журнале полемический дискурс о первом консуле с помощью разнообразных оппозиционных сообщений о нем из Англии, Германии, а также из самой Франции. На-

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. V. Сентябрь № 17. С. 72–73.

² Вестник Европы. 1802. Ч. V. Сентябрь № 17. С. 78.

пример, в сентябрьском номере в разделе «Смесь» приводится «гневная эпистола» к Бонапарте, написанная Л. С. Мерсье и начинающаяся такими строками:

«Bonaparte, il est temps qu'avec toi je m'explique
réponds-moi : qu'as-tu fait de notre république?»¹.

В статье «Взор на прошлый год», опубликованной в начале 1803 г., Карамзин подводил итоги и своих собственных надежд и разочарований. Он перечислял все совершенные в краткий период «великие перемены во Франции», среди которых «амнистия для эмигрантов», «мудрые законы для учения» и другие. Вместе с тем он выразил, по-видимому, разочарование многих своих современников: «Главный исторический характер нашего времени, Наполеон Бонапарте, в течение сего года вышел из сомнительных теней надежды и страха, и явился в полном свете истины, к стыду романических голов, которые в наше время мечтали о Тимолеонах. Наполеон лучше их знает дым славы. <...> Между тем мы должны изъясниться и сказать, что сии забавные Романисты ожидали от Консула. Они думали, что Наполеон, сильною рукою своего гения остановив бурное стремление революции, воспользуется <...> всеми лучшими идеями философов; что он даст Франции почти совершенное (Монархическое или республиканское) правление <...>. — Они думали, что он, совершив великое творение, сложит с себя все знаки Диктаторского достоинства, оставив на голове своей один венок лавровый <...> и успокоится, накануне бессмертия, среди народа благодарного в объятиях славы, под кровом хижины <...>. Надобно признаться, что сей роман стоит Морусовой Утопии!»².

Как бы в подкрепление своим сомнениям Карамзин поместил в июньском номере «Вестника» за 1802 г. статью Архенгольца «О республике италийанской и политическом равновесии Европы», в которой было выражено беспокойство в связи усилением власти Наполеона. Немецкий политик сожалел, что «Англия в осень 1801 года не воспользовалась своим счастливым положением и не заключила благоприятнейшего для спокойствия народов мира; ибо беспредельная сила одного государства

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. VII. Январь № 1. С. 76–78.
Бонапарте, пришло время мне с тобою объясниться
Ответь мне, что ты сделал с нашей конституцией?» (Перевод мой. — О. К.)

² Вестник Европы. 1803. Ч. VII. Январь № 1. С. 76–78.

ужасна для всех других». Карамзин в своем переводе выразил эти опасения гораздо более определенно и ясно: «Франция ныне так сильна, народ ее так властолюбив и храбр, что Патриоты других государств должны бояться злоупотреблений ее силы»¹.

Сравним с вариантом Архенгольца: «Man hat <...> die Argumente aufgestellt, wie geringe die Sicherheit sey, daß die übermächtig gewordenen, sehr kriegerischen, sehr ehrgeißigen und jetzt durch keine äußere Gewalt beschränkte Franzosen, ihre Macht nicht mißbrauchen, sondern sie großmütig ausüben werden»².

В 1803 г., приобретя опыт работы над политическим разделом журнала, Карамзин поместил в нем еще две фундаментальные статьи Архенгольца, как бы задающие тревожный отрытый финал в развитии политической ситуации в Европе: «О нынешней войне»³ и «О высадке»⁴. В обоих случаях Карамзин сделал сокращенный перевод, не изменяя основного смысла.

В поисках альтернатив для идеальных примеров служения отечеству Карамзин переключает свое внимание на Россию. В конце 1802 г. в ходе министерской реформы было образовано министерство просвещения, а в 1803 г. было издано новое *положение об устройстве учебных заведений*, внесшее новые принципы в систему образования: бессловность учебных заведений, бесплатность обучения на низших его ступенях, преемственность учебных программ. В крупнейших городах начали открываться университеты, в губернских городах — гимназии, в уездах — училища, а в церковных приходах — церковно-приходские школы.

Неслучайно поэтому в номерах «Вестника Европы» за 1803 г. появляется много публикаций о благотворительной и просветительской

¹ Вестник Европы. 1802. Ч. III. Июнь № 11. С. 251.

² Minerva, 1802, Bd 2, April. S. 15. (Ueber die italiänische Republik und das politische Gleichgewicht vom England / Vom Hauptmann v. Archenholz. Geschrieben in der Mitte des März 1802). «<...> приводились аргументы о том, как мала уверенность в том, что французы, ставшие могущественными, очень воинственными, очень амбициозными и теперь неограниченные никаким внешним насилием, не будут злоупотреблять своей властью, а будут использовать ее великодушно» (Перевод мой. — О. К.).

³ Вестник Европы. 1803. Ч. X. Август № 16. С. 293–301.

⁴ Вестник Европы. 1803. Ч. XI. Октябрь № 20. С. 296–308.

деятельности российских дворян, как правило, в форме «писем к издателю: «Великодушное дело Тверского Дворянина»; «Дворянин — профессор в России»; «Скромное благодеяние. Письмо к Издателю из Киева»; «Письмо сельского жителя»; «О школе, учрежденной для иностранцев в Москве при Новой Лютеранской церкви», «Благотворительный врач в Малороссии» и другие. Рассказывалось и о благодеяниях бедных крестьян. И, как правило, большинство публикаций заканчивалось прославлением российского императора: «Слава Александру!»

Политика в «Вестнике Европы» Карамзина была органично вписана в исторический дискурс. С одной стороны, осмыслились события монархической Франции прошлого (Людовик XVI и Мария Антуанетта в мемуарах Сулави; взгляд на историю французской революции: мысли Неккера, Мишо). С другой стороны, раскрывались планы антибонапартистов («Разоблачение агентов Людовика XVIII»).

В журнале присутствуют рассказы путешественников, сообщения о разнообразных странах: Сан-Доминго, Сицилии, Египте, Турции, Вьетнаме, Китае, Индии, Кубе, Канарских островах. Дается характеристика общества «Нового света», информация об американских президентах Джордже Вашингтоне и Томасе Джефферсоне. Для этих целей используется жанр «письма», очень популярный в иностранной периодике, который предполагает достоверность описываемого. В форме письма даются своеобразные путевые заметки, содержащие описание жизни, государственного устройства, культуры разных народов мира. Карамзин, использовавший и развивший этот жанр в «Письмах русского путешественника», увидел в нем возможность конструирования новых приемов. По выражению Ю. Тынянова, «недоговоренность, фрагментарность, намеки <...>, малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных «грандиозным» приемам XVIII века. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту» [Тынянов: 21].

Переводные письма были очень продуктивным материалом; через них Карамзин в легкодоступной форме знакомил читателей с новыми явлениями и понятиями. Очень интересен в этом смысле фрагмент из «нового путешествия по испанским колониям в Южной Америке» под названием «Забавы в Гаване, первом городе гишпанского острова Кубы»¹.

¹ Zeitung für die elegante Welt, 1801, № 107, 5. September. Sp. 857-860. (Vergnügungen in der Havana*. Aus der Neuen Reise durch die spanischen Kolonien in Südamerika).

Карамзин встретился в нем с реалиями, отсутствующими в русской культуре, и некоторые из них он перевел очень удачно. Например, «*farbige Leute*» (цветные люди) конкретизировались у него в «негров и мулатов»¹. Сложное словосочетание «азардные игры»² возникло у Карамзина с помощью транслитерации и кальки от «*Hasardspiele*». А. И. Китайгородский объяснил, что слово «азарт» приобрело в русском языке новый смысл. Первоначально оно возникло в результате перевода французского слова *hazard*, что означает «случай» (до революции писали — азардные игры). «Так что азартные игры — это игры, построенные на случае, что звучит уже вполне научно и респектабельно» [Китайгородский].

Название танца «фанданго» Карамзин прекрасно транслитерировал и транскрибировал с оригинального термина, а затем еще дал от себя его пояснение: «Сею сладострастною пляскою более всего славятся Мулатки». А вот термины «коррида» и «тореро» он не смог воспроизвести и придумал его описательное объяснение. «*Hiesige Toreros*» превратились у него в «здешних ратоборцов»³. Этот пример демонстрирует высокий уровень Карамзина-переводчика, который не просто знакомил читателей с местным колоритом далеких неизвестных стран, но и вводил в русскую культуру новые понятия и реалии.

Однако в журнале на протяжении 1803 г. все чаще речь заходит об истории России, о русской старине: «Известие о Марфе Посаднице, взятое из Жития Св. Зосимы», «Храм Световида», «Записки старого Московского жителя», «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», «О добродетельной Княгине Наталье Борисовне Долгорукой (Письмо к Издателю)» и другие.

Важная особенность подбора материалов для «Вестника Европы» состояла в том, что журнал был ориентирован на широкие круги читателей. Карамзин имел в виду социальные и демографические категории, имеющие разные потребности: «министр, придворный, молодой светский человек, красавица, мать, провинциальный дворянин»⁴. Поэтому для раздела «Литература и смесь» настоятельно требовались

¹ Вестник Европы. 1803. Ч. XI. Сентябрь № 17. С. 21.

² Вестник Европы. 1803. Ч. XI. Сентябрь № 17. С. 22.

³ Вестник Европы. 1803. Ч. XI. Сентябрь № 17. С. 22, 21.

⁴ Вестник Европы. 1802. Ч. I. Январь № 1. С. 4.

материалы беллетристические и занимательные. Карамзин представлял в нем психологические характеристики человека: «Ревность», «Нежность», «Воображение». Он публиковал известия о литературных новинках, «старых» и «новых» авторах: Неккера, Лагарпа, Шатобриана, мадам де Сталь, затем «О Богдановиче и его сочинениях». Карамзин отдал дань скорби и памяти Лафатера, Сен-Ламбера, Лагарпа, Клопштока.

«Вестник Европы» не мог, разумеется, обойтись без публикации собственно художественных произведений. Карамзин опубликовал в журнале свои новые сочинения, сложные по поэтике, не укладывающиеся в каноны сентиментализма: «Чувствительный и холодный», «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода». Он привлек к сотрудничеству и молодого В. А. Жуковского с его повестью «Вадим Новгородский». Однако достаточно ли было этой прекрасной прозы для 24-х номеров журнала? Конечно, недостаточно, если иметь в виду полноценный раздел «Литература». Нужны были иностранные произведения, которые бы поддерживали интерес к журналу. После некоторого замешательства уже к апрельскому номеру 1802 г. был найден автор, сочинения которого печатались из номера в номер, как бы с продолжением: это повести Стефани-Фелисите де Жанлис (Genlis, 1746–1830). В «Московском журнале» основным автором для раздела «Иностранная словесность» был Ж. Ф. Мармонтель (Marmontel, 1723–1799), создатель жанра «нравоучительной сказки», которого Карамзин ценил [Кафанова: 76–89]. С текстами Жанлис он обращался более свободно, чем ранее с произведениями Мармонтеля или, тем более, Лессинга, Стерна, Оссиана и некоторых других выдающихся авторов, значимых своим неповторимым индивидуальным стилем.

Знаменательно, что Карамзин не стал сам представлять романистку, а как бы передоверил это сделать другим. В «Записках одной молодой Немецкой Дамы, живущей ныне в Париже», говорилось о большой популярности «сказок» Жанлис: «Не только весь Париж читает их, но всякая тотчас переводится на иностранные языки». В этой же статье говорилось: «Деятельное воображение и редкое знание света служат для Госпожи Жанлис богатым источником новых мыслей и планов. Кажется, что она всегдашними трудами не истощает, а только острит свой авторский ум. Самый обыкновенный случай открывает ей тайно-

сти человеческого сердца и представляет то важные, то приятные идеи. Дух ее живет, так сказать, в тихих наблюдениях»¹.

Вторая характеристика французской беллетристики принадлежала В. Л. Пушкину. В «Письме русского путешественника из Парижа» он лаконично заметил: «На сих днях я был у Госпожи Жанлис. Она принимает хорошо, говорит умно и просто. — “Я редко вижу с авторами”, — сказала она мне: “люблю их читать, а не быть с ними”. — Госпожа Жанлис ненавидит Философию, вздыхает о прошедшем и пишет романы в ожидании будущего. Она всем недовольна, а более всего, кажется мне, старостью»². Сам Карамзин был довольно сдержанным: в одном из примечаний он назвал повесть Жанлис «приятной»³; в другом месте отозвался о беллетристке как об «умной и чувствительной женщине», а ее воспоминания считал «занимательной галереею портретов», написанных «с натуры»⁴.

Около двадцати произведений Жанлис публиковались в «Вестнике Европы» довольно регулярно с мартовского номера 1802 г. Пользующиеся достаточно устойчивым читательским успехом, они и по своей вторичности, и по художественному уровню проигрывали «нравоучительным сказкам» Мармонтеля, поэтому переводческая манера Карамзина по отношению к ним была более свободной. Однако Карамзин не допускал каких-то серьезных искажений, главным его приемом стало сокращение. Источником переводов Карамзина в «Вестнике Европы» послужили произведения, опубликованные в литературном альманахе «Nouvelle Bibliothèque des romans» («Новой библиотеке романов»), активной сотрудницей которого писательница стала с 1801 г.

Примером трансформаций Карамзина может служить перевод повести «Все на беду, история эмигранта»: он сделал несколько значимых сокращений, которые превратили тенденциозное произведение в интересное психологическое повествование о человеке, обладающем незаурядными талантами, но слишком добром, доверчивом и простодушном. Жанлис стремилась обвинить тех, кого она считала виновниками революции и ее бедственных последствий для отдельных людей

¹ Вестник Европы. 1803. Ч. IX. Июнь № 11. С. 200–201.

² Вестник Европы, 1803. Ч. XI. Октябрь № 20. С. 247.

³ Вестник Европы. 1803. Ч. VIII. Апрель № 8. С. 257.

⁴ Вестник Европы. 1803. Ч. VII. Февраль № 4. С. 249.

(Вольтера, Дидро, Руссо). Карамзин убрал подзаголовок «*Pour servir à l'histoire de la révolution*» («Чтобы служить историей революции») [Genlis: 1], опустил 4 страницы описания сентенций из Вольтера, Руссо и Дидро, которые герой находил противоречивыми и даже вздорными [Genlis: 49-52].

Сложившийся художник, ставший своего рода живым классиком, Карамзин в начале 1800-х гг. во многом «перерос» привлекаемых им для художественных переводов авторов. Он выступал при этом как против крайностей сентиментализма, так и против так называемого неоклассицизма, к которому можно отнести и Жанлис. Своей правкой он несколько смягчал ригоризм и откровенную нравоучительность писательницы. Правда, А. С. Пушкин негодовал на Жанлис, в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской» он писал: «Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-те Жанлис — овладевают русской словесностью» [Пушкин: 701].

Прав ли был Пушкин? — И да, и нет. Нельзя забывать, что он читал Жанлис на двадцать с лишним лет позже Карамзина. Однако совершенно справедливо, что и в 1820-е, и в 1830-е гг. произведения Жанлис пользовались большим успехом, в особенности среди женщин. Известно, что «Жанлис» была «дежурной книгой» на столе у сестры Пушкина, ее сочинениями зачитывались мать Л. Н. Толстого и мать М. Ю. Лермонтова [Полосина: 106-109]. А Карамзин, который среди целевой читательской аудитории своего журнала выделял «красавицу» и «мать», очень удачно использовал этого автора для успеха своего издания. Вместе с тем и сам Пушкин проявлял интерес к мемуарам Жанлис, а Карамзин опубликовал несколько отрывков из них («*Souvenirs de Félicie*»).

По-видимому, Карамзин был доволен как своими переводами, так и тем, что получилось из его прочтения Жанлис. Он создал свой цикл повестей, оставив без внимания *contes* фантастического, сатирического и псевдоисторического содержания. Заинтересовался он и отобрал для перевода в основном повести психологической направленности. Вместо трехтомного издания «*Nouveaux Contes moraux et Nouvelles historiques*» («Новых нравоучительных сказок и исторических повестей», 1802), он создал двухтомный русский цикл «Повестей госпожи Жанлис», который дважды переиздавался при его жизни (1802–1803; 1815). Каждое

произведение явилось при этом как бы отдельным звеном в общей цепи повествования о многообразии характеров, разнообразных любовных ситуациях и сложности внутреннего мира человека.

Неслучайно поэтому Белинский во второй статье о сочинениях Пушкина (1843), размышляя о карамзинском периоде в русской литературе, отметил: «Переводом <...> некоторых повестей Жанлис Карамзин оказал русскому обществу столь же важную услугу, как и своими собственными повестями. Это значило ни больше, ни меньше, как познакомить русское общество с чувствами, образом мыслей, а следовательно, и с *образом выражения* образованнейшего общества в мире. Новые идеи, естественно, требовали и нового языка. <...> Скорее должно поставить в великую заслугу Карамзину его галломанство: через него ожила наша литература» [Белинский: 134].

Таким образом, «Вестник Европы» послужил образцом для «толстых» журналов, которые считаются лучшими периодическими изданиями России XIX в. Прежде всего, Карамзин продемонстрировал полноценное совмещение литературного и историко-политического разделов. При этом его целью было стремление дать объективное представление о ситуации в Европе и многих других странах мира.

Не менее важным достижением стала четкая рубрикация, позволяющая постоянно развивать разделы Литературы, Политики, Критики, Библиографии.

Поддержанию высокого уровня издания способствовало привлечение постоянных сотрудников (вместо которых у Карамзина «работали» переводы). Непременным компонентом структуры журнала стало присутствие в нем раздела занимательных известий, анекдотов — Смесь. Обязательным условием стало размещение беллетристических произведений с продолжением, или нескольких произведений одного автора.

Находки и открытия Карамзина-журналиста заимствовал и развивал не только М. Стасюлевич, издатель одноименного журнала. Лучшие особенности «Вестника Европы» были представлены и в таких знаменитых журналах середины XIX в., как «Современник» Н. А. Некрасова и «Отечественные записки» А. А. Краевского, затем Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Список литературы
Источники

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 7. 740 с.

Глинка С. Н. Записки. СПб.: Изд-во ред. журн. «Русская старина», 1895. 380 с.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 724 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. 7. 785 с.

Genlis S. F. Le Malencontreux, ou Mémoires d'un émigré, pour servir à l'histoire de la révolution // Nouvelle Bibliothèque des Romans, an IX–1801, 3-me année. Т. 7. P. 1–144.

Исследования

Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Поэтика. Л.: Academia, 1928. Т. 4. С. 126–148.

Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 353 с.

Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 319–337.

Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803) // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 249–283.

Кафанова О. Б. Н. М. Карамзин — теоретик и критик перевода (К постановке вопроса о сентименталистском методе перевода) // Художественное творчество и литературный процесс. Томск: ТГУ, 1982. Вып. 3. С. 142–155.

Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как глобальный текст // Н. М. Карамзин в русской книжной культуре. Материалы международной научной конференции. М.: Пашков Дом, 2016. С. 48–59.

Кафанова О. Б. Образ Наполеона в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина // Карамзинский сборник. Остафьево: Гос. музей-усадьба «Остафьево»—«Русский Парнас», 2014. Вып. 3. С. 159–175.

Китайгородский А. И. Невероятно — не факт. М.: Молодая гвардия, 1972. 255 с.

Кросс Э. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. 1802–1803 // Вестник Европы. 2002. № 6. С. 170–185.

Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский ун-т, 1957. Вып. 51. С. 122–166.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. Л.: Наука, 1963. С. 5–63.

Полосина А. Н. Стефани-Фелисите де Жанлис в русской литературе // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 106–109.

Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 596 с.

References

Gukovskii, G. A. “K voprosu o russkom klassitsizme (Sostiazanii i perevody)” [“On the Question of Russian Classicism (Competitions and Translations)”], vol. 4: *Poetika* [Poetics]. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 126–148. (In Russ.)

Kafanova, O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [N. M. Karamzin's Translations as a Cultural Universe]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020. 353 p. (In Russ.)

Kafanova, O. B. “Bibliografiia perevodov N. M. Karamzina (1783–1800)” [“Bibliography of Translations by N. M. Karamzin (1783–1800)”]. *Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [Results and Problems of Studying Russian Literature of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 319–337. (In Russ.)

Kafanova, O. B. “Bibliografiia perevodov N. M. Karamzina v ‘Vestnike Evropy’ (1802–1803)” [“Bibliography of N. M. Karamzin's Translations in the ‘Bulletin of Europe’ (1802–1803)”]. *XVIII vek* [18th Century], issue 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 249–283. (In Russ.)

Kafanova, O. B. “N. M. Karamzin — teoretik i kritik perevoda (K postanovke voprosa o sentimentalistskom metode perevoda)” [“N. M. Karamzin — Theorist and Critic of Translation (To Raise the Question of the Sentimentalist Method of Translation)”]. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyi protsess* [Artistic Creativity and Literary Process], issue 3. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1982, pp. 142–55. (In Russ.)

Kafanova, O. B. “Perevody N. M. Karamzina kak global'nyi tekst” [“N. M. Karamzin's Translations as a Global Text”]. *N. M. Karamzin v russkoi knizhnoi kul'ture. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [N. M. Karamzin in Russian Book Culture. Materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2016, pp. 48–59. (In Russ.)

Kafanova, O. B. “Obraz Napoleona v ‘Vestnike Evropy’ N. M. Karamzina” [“The Image of Napoleon in N. M. Karamzin's ‘Bulletin of Europe’”]. *Karamzinskii sbornik* [Karamzin Collection], issue 3. Ostafyevo, State Museum-estate “Ostafyevo” — “Russian Parnassus” Publ., 2014, pp. 159–175. (In Russ.)

Kitaigorodskii, A. I. *Neveroiatno — ne fakt* [Unbelievable — Not a Fact]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1972. 255 p. (In Russ.)

Kross, E. “‘Vestnik Evropy’ N. M. Karamzina. 1802–1803” [“‘Bulletin of Europe’ by N. M. Karamzin. 1802–1803”]. *Vestnik Evropy*, no. 6, 2002, pp. 170–185. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. “Evoliutsiia mirovozzreniia Karamzina (1789–1803)” [“The Evolution of Karamzin's Worldview (1789–1803)”]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Tartu State University], issue 51. Tartu, Tartu State University Publ., 1957, pp. 122–166. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)

Levin, Iu. D. “Ob istoricheskoi evoliutsii printsipov perevoda (K istorii perevodcheskoi mysli v Rossii)” [“About the Historical Evolution of the Principles of Translation (On the History of Translation Thought in Russia)”]. *Mezhdunarodnye sviazi russkoi literatury* [International Relations of Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1963, pp. 5–63. (In Russ.)

Polosina, A. N. “Stefani-Felitsite de Zhanlis v russkoi literature” [“Stephanie-Felicite de Janlis in Russian Literature”]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye nauki*, vol. 19, no. 1, 2017, pp. 106–109. (In Russ.)

Tynianov, Iu. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 596 p. (In Russ.)